

ВОСХОЖДЕНИЕ К «ЕСТЕСТВЕННОЙ  
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»:  
ИММАНУИЛ КАНТ В ФИЛОСОФСКОЙ  
АНТРОПОЛОГИИ ГУСТАВА ШПЕТА

Т. Г. Щедрина<sup>1</sup>, Б. И. Пружинин<sup>1</sup>

В архиве Густава Шпета сохранились разрозненные подготовительные материалы к его трудам. Среди этих рукописных черновых набросков есть и записи, посвященные Иммануилу Канту. Эти заметки позволяют нам по-новому посмотреть на возможные траектории движения философской антропологии. Важнейшая цель статьи состоит в том, чтобы показать, с одной стороны, актуальность размышлений Канта о сущности человека, а с другой – продуктивность их критического переосмысления, предпринятого Шпетом. Фактически рассуждения Канта позволяют понять истоки антропологического кризиса нашего времени, когда «свободный человек», способный творить себя сам, окончательно оторвался от своей природы (то есть осуществил в действительности то, что Кант полагал как основание антропологии). А шпетовская критика позволяет нам наметить контуры позитивного выхода из нынешней кризисной ситуации. Для реализации поставленной цели авторы проводят историко-философский анализ постановки вопроса о философской антропологии в концепции Шпета. Это новая постановка и для шпетоведения, и для отечественной философской традиции, специфика которой открывает новые аспекты выхода из кризиса, причем экологически значимого выхода. Тем интереснее попытаться не просто найти критику антропологизма, что легко осуществляется, если мы обращаемся к статье Шпета «Антропологизм Лаврова в свете истории философии», но переосмыслить в антропологическом контексте его рассуждения о человеке и человеческом в статье «Мудрость или разум?». В приложении впервые публикуется исторический документ – письмо, которое Шпет получил из Германского посольства в

<sup>1</sup> Институт философии РАН, Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Поступила в редакцию: 16.06.2024 г.  
doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-6

ASCENT TO “NATURAL HUMANNESS”:  
IMMANUEL KANT IN THE  
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY  
OF GUSTAV SHPET

T. G. Shchedrina,<sup>1</sup> B. I. Pruzhinin<sup>1</sup>

The archive of Gustav Shpet contains scattered preparatory materials for his works. Some of these handwritten rough drafts are devoted to Immanuel Kant. These jottings enable us to take a new look at possible trajectories of philosophical anthropology. The main goal of this article is to show, on the one hand, the modern relevance of Kant's reflections on the essence of the human being and, on the other hand, the productivity of their critical reinterpretation by Shpet. In effect, Kant's reflections give us an insight into the sources of the current anthropological crisis when “the free man”, capable of creating himself, has finally detached himself from his nature (i.e. accomplished what Kant believed to be the foundation of anthropology). Shpet's critique enables us to outline the contours of a positive way out of today's critical situation. To implement this task, the authors carry out a historical-philosophical analysis of Shpet's treatment of the question of philosophical anthropology. This is a new approach both for Shpet scholarship and for the Russian philosophical tradition, an approach that opens up a new path to overcome the crisis and, what is more, a path that is ecologically significant. This gives us all the more reason to try to find the critical points of anthropologism (easy enough if we turn to Shpet's article “The Anthropologism of Lavrov in Light of the History of Philosophy”). It also encourages us to reinterpret in an anthropological context Shpet's reflections on the human being and humanness (see the article “Wisdom or Reason?”). The Supplement contains the first ever publication of a historical document, a letter Shpet received from the German embassy

<sup>1</sup> Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.  
Received: 16.06.2024.  
doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-6

1924 г. В нем содержится приглашение в Кёнигсберге на торжества по случаю 200-летия И. Канта, а также программа мероприятия с указанием докладчиков и тематики выступлений.

**Ключевые слова:** Г. Шпет, И. Кант, философская антропология, человечность, разумное основание, свобода, природа

...Только когда человек отвергнет все другими испытанные пути, из него само собою проистечет его «естественная человечность», которая двинет его, его собственным путем.

Г. Г. Шпет. *Мудрость или разум?*  
(Шпет, 2006б, с. 365)

Когда мы обращаемся к философской антропологии XX в., то прежде всего вспоминаем идеи таких европейских феноменологов, как М. Шелер, А. Гелен, Х. Плеснер, сделавших проблему человечности центральной темой своих фундаментальных опубликованных трудов. Между тем обращение к архиву эпохи русских философов XX столетия показывает, что эта проблематика находилась также в сфере их внимания. Более того, благодаря архивным исследованиям мы обнаруживаем антропологические сюжеты даже у тех русских мыслителей, которые не оставили опубликованных трудов, прямо относящихся к «философско-антропологическим».

В опубликованных при жизни статьях и книгах Густава Густавовича Шпета мы не найдем развернутого теоретического рассуждения об антропологии как области философского знания (разве что в статье «Антропологизм Лаврова в свете истории философии», где он определяет кантовский антропологизм как «субъективный» (Шпет, 2009, с. 445)), тем не менее в его исторической философии проблема восхождения к «естественной человечности» — ключевая. Продолжая традицию положительной философии на русской почве, Шпет рассуждает о человеке, погружая эту тематику

in 1924, inviting him to Königsberg for the celebration of the 200<sup>th</sup> anniversary of Kant's birth and a program of the event with the names of speakers and the topics of their presentations.

**Keywords:** *Gustav Shpet, Kant, philosophical anthropology, humanness, reasonable grounds, freedom, nature*

...only when one rejects all the paths experienced by others does one's "natural humanness" spring from oneself by itself, advancing one along one's own path.

Gustav Shpet "Wisdom or Reason?"  
(Shpet, 2019a, p. 263)

When we look at twentieth-century philosophical anthropology, the names that spring to mind are the European phenomenologists such as Max Scheler, Arnold Gehlen and Helmuth Plessner who made the problem of humanness the central theme of their seminal published works. And yet the archive of the era of twentieth-century Russian philosophers shows that the same problems engaged their minds. Moreover, delving into archives, we discover anthropological themes even in the works of those Russian thinkers who have not left published works related directly to "philosophical anthropology".

In the works of Gustav Shpet published in his lifetime we do not find an extended theoretical discussion of anthropology as an area of philosophical knowledge (except perhaps the article "The Anthropologism of Lavrov in Light of the History of Philosophy" in which he describes Kantian anthropologism as "subjective" (Shpet, 2009, p. 445)). And yet the ascent to "natural humanness" is central to his historical philosophy. Continuing the tradition of positive philosophy on Russian soil, Shpet reflects on the human being, immersing this topic in the context of historically emergent philosoph-

в контекст исторически становящегося философского самосознания, то есть показывает, как историографически она развивалась. А его феноменологически ориентированные концептуальные построения в области философии языка и этнической психологии в еще большей мере заставляют нас вернуться к его статье «Мудрость или разум?», где его попытка ответа на вопрос «Что такое Разум?» ставит проблему познания Человека особенно остро<sup>2</sup>. Поэтому, на наш взгляд, вполне правомерно в идейном смысле говорить о философской антропологии у Густава Шпетта, обратившегося к осмыслению «Антропологии...» Канта в процессе работы над диссертацией «История как проблема логики», защищенной и опубликованной в 1916 г.

Шпет акцентирует внимание на том, что Кант еще по-настоящему не прочитан, а значит, и не понят<sup>3</sup>. Он полагает, что необходимо посмотреть на кантовское наследие сквозь призму развития науки, которая стремится к расширению нашего знания о мире и о человеке (то есть о самих себе). Шпет обращается к философской антропологической тематике, акцентируя внимание на известной работе Канта, где тот, уловив, если угодно, «трансформационный» запрос своего времени, погрузил общеполитическую проблематику в контекст жизненного мира отдельного цивилизованного человека. При этом, однако, Кант достаточно жестко развел образующие философскую антропологию тренды: «Физиологическое человекопознание направлено на изучение того, что *природа* делает из человека, прагматиче-

<sup>2</sup> И такая постановка во многом перекликается (в идейном смысле; по крайней мере в том, что касается истолкования человека как «биологически конечного существа... пронизанного структурами языка, созданного не им, возникшего раньше него» (Автономова, 1994, с. 16)) с теми интерпретациями «проблемы человека», которые предложил позднее М. Фуко, когда переводил «Антропологию...» Канта и писал к этой работе предисловие и комментарии (Foucault, 2008).

<sup>3</sup> Ср.: «...в пользу Канта можно сказать, что он, наряду с человеческим познанием в исследовании *основ философии*, дает также анализ самого познания как такового» (Шпет, 2009, с. 444).

ical self-consciousness, i.e. Shpet shows how it developed in history. And his phenomenologically oriented concepts in the field of the philosophy of language and ethnic psychology give added reason to turn to his article “Wisdom or Reason?”. In this his attempt to answer the question “What Is Reason?” raises the urgent problem of the cognising human being.<sup>2</sup> Therefore, in our opinion, we can legitimately speak about Shpet’s philosophical anthropology. Indeed, he turned to Kant’s *Anthropology from a Pragmatic Point of View* while working on the dissertation, *History as a Problem of Logic*, which he defended in 1916.

Shpet maintains that Kant has not yet been read properly, hence has yet to be properly understood.<sup>3</sup> He believes that it is necessary to look at the Kantian legacy through the prism of developing science which seeks to expand our knowledge of the world and the human being (i.e. of ourselves). Shpet turns to the well-known work of Kant in which the latter, capturing the “transformative” demand of his time, put the general philosophical problems in the context of the life-world of an individual civilised person. Kant is careful to distinguish the trends forming philosophical anthropology: “Physiological knowledge of the human being concerns the investigation of what *nature* makes of the human being; pragmatic, the investigation of what *he* as a free-acting being makes of himself, or can and should make of himself” (*Anth*, AA 07, p. 119; Kant, 2007, p. 231). As a

<sup>2</sup> This approach chimes (at least in interpreting the human being as “a biologically finite being [...] permeated with the structures of language, not created by him, which pre-date him” (Avtonomova, 1994, p. 16)) with the interpretations of “the problem of the human being”, later proposed by Michel Foucault (2008) when he was translating Kant’s *Anthropology* and writing a foreword and commentary for it.

<sup>3</sup> Cf. “[...] it can be said in Kant’s favour that along with human cognition in the study of the foundations of philosophy he also offers an analysis of cognition as such” (Shpet, 2009, p. 444).



ское — на то, что *он*, как свободно действующее существо, делает из самого себя или может и должен делать» (АА 07, S. 119; Кант, 2024, с. 162). В результате этого разведения исследовательских трендов именно то, что мы наблюдаем как причину, придающую нынешним цивилизационным трансформациям характер экзистенциально окрашенного антропологического кризиса, оказывается, по Канту, за рамками собственно философского рассмотрения.

Для Шпета важно, что философия, в любом ее варианте, есть учение о человеке: «где — чистая философия, там — чистая человечность» (Шпет, 2006б, с. 364). Обсуждаются ли в ее пределах глубоко метафизические, онтологические сюжеты или специальная эпистемологическая, общеэтическая, эстетическая тематика, речь фактически идет именно о человеке и его смысловых проблемах. Так что уже само выделение в качестве специфического философского направления антропологии требует особого обоснования. Кант уловил на фоне начавших интенсивно меняться в его время жестких норм общежития потребность в проекции философской проблематики на самосознание индивида, на осмысление индивидом себя. Но то, что подвигло Канта обратиться к индивидуальному самосознанию, имело не только общесоциальные, но и собственно научные основания.

Кант, как известно, много лет читал курс антропологии — науки, которая к тому времени сделала значительные успехи. И он прекрасно знал, какое место в естественной среде отводила в его время научная антропология человеку. «В 1735 г. вышло 1-е издание “Системы природы” К. Линнея, в котором человеку впервые было отведено место в зоологической системе, в классе млекопитающих и отряде приматов (Primates), как роду и виду *Homo sapiens*, с подразделением его на 4–5 разновидностей» (Анучин, 1900, с. 25). Надо полагать, знал он и о «Естественной истории» Бюффона, где «подробный обзор человеческих пород» был представлен в связи с их географическим распространением и где Бюффон «стал более подробно рассматривать чело-

result of this separation of research strands what we observe today as the cause that lends the current civilisational transformations the character of an existential anthropological crisis, turns out, according to Kant, to be outside the purview of philosophy.

What is important for Shpet is that philosophy, in any case, is the teaching concerning the human being: “where there is pure philosophy there is pure humaneness” (Shpet, 2019a, p. 262). Whether it discusses deep metaphysical and ontological matters or specialised epistemological, ethical and aesthetic themes, it is still about the human being and his problems that have to do with the meaning of life. Thus the isolation of anthropology as a distinct philosophical area calls for a justification. Against the background of the intensive changes of the stringent norms of communal living that began in his time, Kant sensed the need to project philosophical inquiry into self-cognition of the individual. But what prompted Kant to turn to individual self-consciousness had not only social, but also scientific grounds.

Kant, of course, for many years delivered lectures on anthropology, a science that by that time boasted significant achievements. He was well aware of the place scientific anthropology assigned to the human being in the natural environment. “In 1735 Carl Linnaeus published the first edition of *The System of Nature* which for the first time assigned to the human being a place in the zoological system, in the class of mammals and the order of primates as the genus and species of *Homo sapiens*, divided into 4-5 types” (Anuchin, 1900, p. 25). He probably knew about Buffon’s *Natural History* in which “a detailed analysis of human species” was linked with their geographical spread and in which Buffon “first considered man as a natural-historical species” (*ibid.*). He was of course aware of the achievements of medical science

века как естественно-исторический вид» (Там же). Конечно, ему были известны и достижения медицины в области исследований параметров и строения индивидуального человеческого тела. В поле его зрения оказывались и расовые, языковые, бытовые различия «человеческих пород», которые просто невозможно было не проецировать на культуру. Это, как нам представляется, Кант и сделал, проецируя актуальную в то время философскую проблематику на самосознание свободно формирующего себя антропоса. Но при этом он считал необходимым принципиально развести план самосознания индивида и план природной телесности<sup>4</sup>. Последствия этого разведения обнаруживают себя и в феноменологически ориентированных работах, причем не только в сочинениях М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена, но и в опубликованных и архивных работах Г.Г. Шпета, где философская антропология приобретает исторический смысл.

Для Шпета Кант выступает как «исторический собеседник» не только Платона, но и Гердера. И если об антитезе «Платон – Кант» написано немало (и с учетом интерпретации Шпета (Щедрина, Щедрина, 2022), и просто об этой проблематике в русской философии (Ахутин, 1990)), то о русской рецепции спора между Кантом и Гердером по поводу «руководящей нити» философии истории сегодня существует не так уж много исследований. А между тем содержание этого спора актуально во все времена, что и увидел Шпет. Это фактически все тот же движущий интеллектуальную традицию «разговор» положительной и отрицательной философии. Мы и сегодня спорим о том, на чем основано общение и взаимопонимание между людьми – на формальной государственности (как думал

<sup>4</sup> Ср. истолкование Шпета: «Кант сделал все выводы из феноменализма и решился героическими средствами спасти действительность “природы”, подчиняя ее законодательству своего субъекта – Калиостро. Но законодательное творчество этого последнего обнаружилось за графской маской Джузеппе Балзамо из Палермо, когда его управление философией исчерпалось запрещением для знания касаться проблем действительности души, вселенной и Бога» (Шпет, 2009, с. 447).

in investigating the parameters and structure of the human body. He had within his purview the differences between races, languages and way of life of “human breeds” which could not but be projected on to culture. This, we believe, is what Kant did in projecting the philosophical problems of the time on to the self-consciousness of the Anthropos forming himself. But he deemed it necessary to stress the fundamental difference between humans’ mental and bodily nature.<sup>4</sup> The consequences of this differentiation are found not only in the phenomenological works of Scheler, Gehlen and Plessner but also in the published and archival works of Shpet, in which philosophical anthropology acquires a historical meaning.

Shpet sees Kant as a “historical interlocutor” not only of Plato but also of Herder. While a great deal has been written about the Plato-Kant antithesis (and, keeping in mind Shpet’s interpretation (Shchedrina and Shchedrina, 2022) simply about the treatment of this problem in Russian philosophy (Akhuntin, 1990)), only relatively little has been written about the Russian reception of the argument between Kant and Herder about “the guiding thread” of the philosophy of history. And yet the gist of that argument is relevant for all time, as Shpet found out. In effect, it is the selfsame “conversation” between positive and negative philosophies that informs the intellectual tradition. Today we still argue about what forms the basis of communication and mutual understanding between people, formal statehood (as Kant believed) or humaneness (Herder’s philosophical-historical

<sup>4</sup> Cf. Shpet’s interpretation: “Kant drew all the conclusions from phenomenism and decided to use heroic means to rescue the reality of ‘nature’, subordinating it to the law of his subject, Cagliostro. But the latter’s legislative activity revealed behind the mask of a count Giuseppe Balsamo of Palermo when his conduct of philosophy boiled down to banning knowledge from touching on the problems of the reality of the soul, the universe and God” (Shpet, 2009, p. 447).

Кант) или на гуманности (как видел философско-исторический идеал Гердер). Шпет сопоставляет их идеи и приходит к выводу, что «Гердер именно в государственности не хотел видеть философско-исторического идеала, а видел его в *гуманности*, — и смысл исторического развития видел не в моральности самой по себе, а в раскрытии божественного разума, — тут центр разногласия по существу и содержанию их взглядов» (Шпет, 2014, с. 304–305). Гердер утверждает наличие Божественного Разума («*Бог есть во всех своих творениях*» (Там же, с. 310)), а Канта интересует Разум Практический («*естественные склонности человека, которые направляются на применение его разума, совершенно развиваются только в роде, а не в индивидуе*» (Там же)). В отличие от Гердера, который, как мы уже показали выше, постулирует разумное основание мира, Кант заявляет, что «*природа хотела*» чтобы человек все, не подчиненное механизму его животного устройства, сам бы создал себе не инстинктивно, а посредством собственного разума» (Там же, с. 311). Далее он постулирует разумность именно свободы человека. Это противоречие кантовского утверждения о свободе и закономерности и показывает Шпет.

Кант подобно Гердеру исходил из допущения закономерности в истории, и Кант подобно ему ищет этой закономерности в развитии человечества в «крупных чертах» (*im Grossen*), но только Гердер спрашивал в Предисловии к своему первому тому «Идей», допустимо ли, чтобы все в мире имело свою науку и философию, а история человечества в целом (*im Ganzen und Grossen*) их не имела, т.е. Гердер не *предопределял* ни логического характера этой науки, ни характера закономерности, — это ему еще предстояло открыть путем рассмотрения названного им предмета: человечество. У Канта все было предрешено, предмет не исследуется. Кант не позаботился даже показать для тех, кто захотел бы слепо поверить в правомерность его методологии, почему же случилось так, что «природа», захотев направлять «человеческую свободную волю» по «общим законам природы», повела ее к разрешению проблем политики, государственного и международного права? (Там же, с. 320).

ideal). Comparing their ideas, Shpet comes to the conclusion that “Herder was loath to see the philosophical-historical ideal in statehood and saw it in *humaneness*, and he saw the meaning of historical development not in morality in itself, but in discovering divine reason: this is the central difference of their views in essence and content” (Shpet, 2014, pp. 304-305). Herder asserts the existence of Divine Reason (“*God is in all His creations*” (*ibid.*, p. 310) whereas Kant is interested in Practical Reason (“*the natural inclinations of man develop perfectly only in the genus, not in the individual*” (*ibid.*)). Unlike Herder, who, as we have shown above, postulates a reasonable foundation of the world, Kant claims that “*‘nature wanted’ man to create himself all that is not subordinated to the mechanism of his animal structure not instinctively, but by his own reason*” (*ibid.*, p. 311). Then he goes on to postulate that it is human freedom that is reasonable. Shpet pinpoints the contradiction of Kant’s assertion about freedom and objective laws.

Like Herder, Kant allowed for objective laws in history; like Herder, he looked for regularities in human development “in general” (*im Grossen*), but it was only Herder who asked in the Preface to the first volume of *Ideas* whether it was admissible that everything in the world has its own science and philosophy but history as a whole (*im Ganzen und Grossen*) does not. In other words, Herder *did not predetermine* either the logical character of this science or the character of regularities — he was committed to discovering this by investigating the declared subject: humanity. With Kant, everything is predetermined, the object is not investigated. Kant did not even bother to show to those who would blindly believe in the legitimacy of his methodology why it happened that “nature”, wanting to direct “human free will” according to “the common laws of nature” directed it toward dealing with the problems of politics, state and international law (*ibid.*, p. 320).



Здесь открывается одна интересная историческая подробность, ради которой мы рвем логику нашего изложения.

В 1924 г. Шпет получает от Германского посольства в Москве приглашение на празднование 200-летнего юбилея Канта в Кёнигсберг (см. приложение). И хотя он не поехал, тем не менее возникает вопрос: «О чем Шпет мог бы поговорить с основными докладчиками и гостями из разных стран?» Тем более что среди выступающих оказался известный Шпету Ойген Кюнemann, заявивший тему (весьма значимую содержательно в контексте шпетовской критики Канта) «Кант и Гердер» (Kühnemann, 1924). Напомним также, что Кюнemann уже выступал с этой темой в 1904 г.; причем его доклад «Гердер и Кант» (Kühnemann, 1904) был опубликован, а затем критически осмыслен Шпетом (Шпет, 1904; 2010). Сравнение выступлений Кюнemannа 1904 и 1924 гг. показало, что их содержание и логика движения мысли практически совпадают за исключением незначительных нюансов<sup>5</sup>. Главная идея его обоих докладов заключается в примирении интеллектуальных позиций Гердера и Канта, истории и логики, опыта и рассудка и применении этого «синтезированного» подхода в немецком образовании. А потому Шпет, если бы и оказался слушателем Кюнemannа, вполне мог бы рассказать ему о том, как представил суть его доклада в рецензии 1904 г.

Приведем это рассуждение Шпета (которое могли бы услышать собравшиеся в Кёнигсберге) целиком, поскольку оно демонстрирует истоки его «антипсихологического» (в целом) интеллектуального движения в представлении дискуссии Гердера и Канта по важнейшим антропологическим вопросам.

<sup>5</sup> В частности, в докладе 1904 г. Кюнemann выдвигает мысль о том, что на умонастроение Гердера существенно подействовало противоречие не столько с Кантом, сколько с его молодыми последователями — кантианцами, которые прочитали труды Канта, но не «прожили» их, а поэтому остались болтунами, «людьми слова, а не дела», и Кюнemann с горечью констатирует, что такой тип «мыслителя» есть «величайшее несчастье философии» (Kühnemann, 1904, S. 259).

Here we have to pause and relate an interesting detail. In 1924 Shpet received from the German Embassy in Moscow an invitation to attend the celebration of the Bicentennial of Kant's birth in Königsberg (see Supplement). Although he did not go, the question suggests itself: "What could Shpet have discussed with the keynote speakers and guests from various countries?" All the more so, since one of the speakers was Eugen Kühnemann, whom Shpet knew. The theme he had fixed on, "Kant and Herder" (Kühnemann, 1924) was very important in the context of Shpet's critique of Kant. It has to be recalled that Kühnemann (1904) had already delivered a report on this topic earlier, and it was published and critically reviewed by Shpet (1904; 2010). A comparison of the texts of Kühnemann's 1904 and 1924 reports shows that their content and logic are practically identical with the exception of minor nuances.<sup>5</sup> The main thrust of both reports is to reconcile the positions of Herder and Kant, history and logic, experience and reason and apply the "synthesised" approach in German education. So, if Shpet had been among Kühnemann's listeners, he could have told him how he had reviewed his 1904 report.

Let us quote Shpet's reasoning (which the Königsberg audience might have heard) in full because it shows the sources of his (by and large) "anti-psychological" movement in presenting the positions of Herder and Kant on the key anthropological questions.

[...] Kühnemann's parallel — *Herder and Kant* — has to do also with the psychology of the minds being compared. The juxtaposition is

<sup>5</sup> For example, in the 1904 report, Kühnemann suggests that Herder's thinking was influenced not so much by contradictions with Kant as with his young followers, the Kantians who had read Kant's works but had not digested them, and so had remained prattlers, talkers but not doers. Kühnemann (1904, p. 259) laments the fact that this type of thinker is "a great misfortune of philosophy".

...параллель — *Гердер и Кант* — Кюнемана (Kühnemann) имеет в виду также психологию сравниваемых умов. Это сопоставление, действительно, крайне интересно, — учитель и ученик вначале, враги впоследствии. Один — человек громадной живой поэтической фантазии, проповедник и пророк, другой — человек логики, у которого нет жизни вне научно обоснованных, безусловных понятий. Для Гердера конечная данность и исходный пункт всякой науки великий факт великой, покоящейся на вечных законах природы, существование которой отражается в нашем духе. Для Канта нет возможности выйти за пределы нашего духа, сознания, вне представления его не может быть познания, о сущности вещей не может быть речи. Как нельзя лучше эта противоположность вылилась в их отношении к самой тонкой логической проблеме человеческой жизни — проблеме истории. Два пункта Кантовой критики убивали Гердера — у Гердера нет единства развития истории, стало быть, нет критерия оценки исторической культурной роли народов; еще невыносимее для Канта Гердерово понятие природы как факта божественного существования с его духовными во всем откровенными силами. Тем не менее, несмотря на такое различие, оба духа не исключают друг друга, они живы до сих пор и должны жить. Ясность логического мышления и основанное на ней знание должны сочетаться с пониманием душевных поэтических форм. И, конечно, совпавшие годовщины смерти Канта и Гердера (†1803 г.) не исключают необходимости чествовать каждого из них (Шпет, 2010, с. 59–60).

Фактически эта ретроальтернативистская реконструкция подтверждает точность интеллигентной интуиции Шпета, увидевшего в 1904 г. в докладе Кюнемана то, что тот повторит через 20 лет в Кёнигсберге. Наше отличие от мыслителей прежних эпох, по мнению Шпета, заключается в том, что мы пробиваемся к существу сквозь напластования исторического опыта (Шпет, 2005). Мы живем в истории, которая окружает нас, и потому должны понимать реальность не как нечто раз и навсегда данное, но как меняющееся, динамичное, то есть как поток истории, из которого каждый человек вырезает кадры, составляя свою индивидуальную,

indeed extremely interesting — initially teacher and pupil and later enemies. One is a man of immense and vibrant poetic fantasy, a preacher and a prophet, and the other a man of logic who cannot live without scientifically grounded immutable verities. For Herder the ultimate given and starting point of all science is the great fact of the great nature that rests on the eternal laws whose existence is reflected in our spirit. Kant cannot go beyond the limits of our spirit, consciousness, without it there can be no cognition and no talk of the essence of things. This contradiction was best manifested in the most delicate logical problem of human life, the problem of history. Two points of Kantian critique demolished Herder: Herder has no unity of the development of history, hence no criterion for assessing the historical-cultural role of peoples; still more intolerable for Kant is Herder's concept of nature as a fact of divine existence with its spiritually utterly open forces. Even so, in spite of this difference, the two spirits do not exclude each other, they are alive to this day and they must live. Clarity of logical thinking and knowledge based on it must be combined with an understanding of spiritual poetic forms. And of course the coincidence of the death dates of Kant and Herder (†1803) does not rule out the necessity of honouring each of them (Shpet, 2010, pp. 59-60).

In fact this “retro-alternative” reconstruction vindicates Shpet's intuition in seeing in 1904 what Kühnemann would repeat in his report in Königsberg twenty years later. Our difference from the thinkers of earlier epochs, Shpet (2019b) believes, is that we have to hack our way to the truth through layers of historical experience. We live in the history that surrounds us, such that we have to see reality not as something given once and for all, but as changing, dynamic, as the flow of history from which everyone cuts out frames to build his individual, unique existential and intellectual history. Each of these stories is unrepeatable, unique and concrete.



неповторимую экзистенциальную и интеллектуальную историю. Каждая из этих «историй» неповторима, единственна, конкретна.

Шпет упрекает Канта за то, что он разорвал «рассудок» и «чувственность», Свободу и Природу. И, анализируя рассуждения русского философа, мы вскрываем ограниченность кантовской антропологии и можем увидеть в них нетривиальный способ разрешения этого антропологического кризиса. А именно: то, что для Канта было всеобщим «человеческим» как общезначимым, Шпет подвергает процедуре типологизации<sup>6</sup>. Он ищет в психических антропологиях XVIII в. (в том числе и в кантовской) «коллективное» как «общую» предметность, которая поддается феноменологическим процедурам конкретного «обретения смысла». Тем самым Шпет намечает пути конкретизации свободы человека, соотнося эту свободу с реальной человеческой природой (с тем, что Кант отнес к сфере физиологии). То есть он специфицирует «человеческое» и находит в нем «этническое» («дух народа»)<sup>7</sup>, что позволяет в определенном смысле конкретизировать «человеческое» и избежать жесткой вседозволенности Рассудка, которая как раз и образует истоки нынешнего антропологического кризиса и которую сам Кант пытался проблематизировать в Разуме.

В рассуждениях Канта (как это подметил Шпет) присутствовали обращения и к антропологии как науке, что позволяло достаточно емко зафиксировать то, что стимулировало возникновение философской антропологии в

<sup>6</sup> Ср.: «Язычество, как вера в тварь, а не в Творца, также знает конкретные идеалы, — не один для всех и каждого, не Человек, — много у него идеалов, много “помазанников”: Фемистокл и Спиноза, Брут и Дж. Бруно, Перикл и Галилей, — и без конца. Этому ему мало, оно не только окутывает эти имена “идеальными” вымыслами, но создает чистые фантазии и ставит их как конкретные идеалы: тут Прометеи, Тезеи, Ромулы, Ахиллы и Патроклы, Манфреды, Гамлеты, мужи, жены и дети» (Шпет, 2006б, с. 365).

<sup>7</sup> Ср.: «Антропологии и в особенности Психические антропологии конца XVIII и начала XIX века сплошь и рядом содержат в качестве необходимой составной части отдел, посвященный вопросам психологии народов и рас. Для психологии начала и середины XIX века, все еще тесно связанной с философией, громадное значение имеет идея “духа” и “народного духа”...» (Шпет, 2006а, с. 425).

Shpet admonishes Kant for separating “understanding” from “sensibility”, and Freedom from Nature. Following Shpet’s reasoning, we become aware of the limitations of Kantian anthropology and see an original method of resolving this anthropological crisis. In other words: Shpet subjects what Kant considers to be universally “human” and universally significant to the procedure of typologisation.<sup>6</sup> He seeks to find in the psychic anthropologies of the eighteenth century (including Kantian anthropology) the “collective” as a “general” objectivity which lends itself to phenomenological procedures of concrete “sense-getting”. Thereby Shpet traces the paths towards concretisation of the freedom of the human being, relating this freedom to real human nature (which Kant refers to the sphere of physiology). He specifies what is “human” and finds in it “the ethnic” (“the spirit of a people”),<sup>7</sup> which makes it possible to a degree to specify “the human” and avoid the unbridled permissiveness of Understanding which is precisely the source of the current anthropological crisis and which Kant attempted to problematise in Reason.

In Kant’s reasoning, Shpet also detected appeals to anthropology as a science. This made it possible to see what stimulated the emergence of philosophical anthropology of the twentieth

<sup>6</sup> Cf. “Paganism, as a faith in the creature and not in a Creator, also knows concrete ideals. It is not the same thing to each and every one. It is not the Human Being. There are many ideals, many are ‘anointed’: Themistocles and Spinoza, Brutus and Giordano Bruno, Pericles and Galileo, et al., without end. There is more. It not only envelops these names with ‘ideal’ fictions but creates pure phantasies, and sets them up as concrete ideals. Among these, there are Prometheus, Theseus, Romulus, Achilles and Patroclus, Manfred, Hamlet, husbands, wives and children” (Shpet, 2019, p. 263).

<sup>7</sup> Cf. “Anthropologies and especially psychic anthropologies of the late eighteenth and early nineteenth centuries all too often contain an obligatory section devoted to the psychology of peoples and races. The idea of ‘the spirit’ and ‘popular spirit’ was immensely important for the psychology of the beginning and middle of the nineteenth century which still had close ties with philosophy [...]” (Shpet, 2006a, p. 425).

XX в., — уход социально действенной гуманитарной составляющей. И тем не менее все разработки того времени были ориентированы проблемами общества. Лишь к XXI в. обнажилось то, что образует сегодня антропологический кризис: индивид обнаружил возможность менять под свои потребности не только свое сознание и реальность, в которую он погружен, но и свою телесность. Кант не видел оснований опасаться роковых последствий этой свободы индивида для человеческого рода, поскольку полагал эту свободу разумной. И тем более не видел необходимости ставить вопрос о возможности радикальной трансформации человеческой телесности в контексте свободного выбора индивида. Совершенствовать телесность, опираясь на «человековедение» (основания для чего к тому времени давали медицина и уже сложившаяся научная антропология), конечно же, можно и нужно, но не трансформировать ее в нашем современном понимании. Кант связывал философское осмысление встающих перед человеком проблем с анализом сферы его сознания и норм общественного бытия человека. Так что, определяя «практическую антропологию» как направление философии, он фактически четко разводил ракурсы осмысления проблемы, которую, повторим, почувствовал: проникновение проблем цивилизации в жизненный мир индивида именно как проблем, а не в виде практических задач, которые люди так или иначе решали во все времена.

Сегодня в собственно природном плане наибольший интерес к телесным аспектам кризисных процессов, пронизывающих современную цивилизацию, проявляют психологи, биологи, представители нейронаук и ряда этносоциальных дисциплин. Причем все это связано прежде всего с теми «требованиями», которые предъявляет к природному потенциалу человека инструментальная среда его деятельности: цифровые технологии, интернет-общение и пр. Под влиянием этих требований изменения телесных параметров достигли крайней степени индивидуализации. Но, пожалуй, главная характеристика антропологического кризиса

eth century, namely the departure of the socially active humanitarian element. Even so, all the problems of that time were oriented towards the problems of society. It was not until the twenty-first century that it became clear what constitutes the current anthropological crisis: the individual discovered the ability to tailor to his needs not only his consciousness and reality in which he is immersed, but also his corporeality. Kant saw no reason to fear the fateful consequences of individual freedom for the human race because he assumed that freedom was reasonable. Still less did he see a need to raise the question of the possibility of radical transformation of human corporeality as long as the individual had freedom of choice. Corporeality can and must be improved (this was made possible by medical science and scientific anthropology which had come into its own by that time), but not transformed in the modern meaning. Kant associated philosophical analysis of the problems facing humankind with the study of the sphere of consciousness and norms of the human being's social being. Thus in defining "practical anthropology" as an area of philosophy, he effectively separated the two approaches to the problem which he was aware of: the penetration of the problems of civilisation into the life-world of the individual as problems and not the practical tasks which people coped with in one way or another at all times.

Today, as far as nature is concerned, the greatest interest in the corporeal aspects of the critical processes which beset modern civilisation is exhibited by psychologists and biologists, representatives of the neurosciences and some other ethno-social disciplines. All this stems primarily from the "demands" presented to humans' natural potential by the instrumental environment of human activity: digital technologies, internet communication etc. In response to these demands changes of bod-

состоит в том, что человек остро испытывает на себе агрессивность среды постиндустриального общества (мегаполисов) по отношению к собственной телесности, ощущает свою неспособленность к жизни в таких «социобиологических» условиях, а потому пытается либо еще сильнее «объединиться» с цифровой средой (к примеру, вшить чип в ладонь для поездки на метро), либо полностью отмежеваться от нее (вплоть до пластических операций). Но и в том и в другом случае он будет использовать биомедицинские возможности изменения собственной телесности, которые в наше время он сам открывает перед собой, создавая все новые и новые технические продукты, технологии и т. д. Между тем перспективы, которые сегодня обнаруживает философская антропология для осмысления этих характеристик, оборачиваются мифологизацией телесности (см.: Чеснов, 2007). Это очень ярко показывает, как философская антропология, ориентированная на тело, уходит от общественного (связанного с сознанием) бытия человека.

\*\*\*

Таким образом, Шпет увидел, что Кант с его жестким различием чувственности и рассудка фактически задает тональность всем последующим антропологическим поискам, в рамках которых мыслители пытались найти пути для сближения (синтеза) разорванных у Канта структурных элементов познания. Более того, Шпет также отдавал себе отчет, что Канту удалось четко зафиксировать тот идейный импульс, который начинал доминировать в его время. Речь идет о непреодолимом разрыве между Свободой и Природой. Рассуждения Густава Шпета о Канте имеют не только историко-философскую ценность. Они позволяют нам сегодня по-новому посмотреть на многие теоретико-познавательные и антропологические проблемы и, что особенно важно, заставляют нас переосмыслить фундаментальные положения философии и методологии научного познания.

ily parameters have become extremely individualised. But perhaps the key feature of the anthropological crisis is that the human being is keenly aware of the aggressiveness of the environment of the post-industrial society with regard to his body; he is aware of his failure to adjust to life in such “socio-biological” conditions, and so either tries still harder to become integrated in the digital environment (e.g. by implanting a chip in his hand to ride in a subway) or to totally isolate him from it (down to plastic surgery). In either case, he/she will use the biomedical potential of his own body which he is expanding by creating ever new high-tech products and technologies. Meanwhile the perspectives philosophical anthropology opens up for understanding these characteristics lead to mythologisation of corporeality (see Chesnov, 2007). This highlights the fact that philosophical anthropology oriented toward the body is distancing itself from the human being’s social being (connected with consciousness).

\*\*\*

Thus Shpet saw that Kant, with his hard distinction between sensibility and understanding, practically set the tone of all the subsequent anthropological searches as thinkers looked for ways to bring together (synthesise) the structural elements of cognition which Kant separates. Moreover, Shpet was also aware that Kant had managed to detect the intellectual impulse which was beginning to dominate in his time, i.e. the inseparable gap between Freedom and Nature. Gustav Shpet’s thinking on Kant has more than historical-philosophical value. It enables us today to take a new look at many theoretical-cognitive and anthropological problems and, especially important, it makes us rethink the fundamental provisions of philosophy and methodology of scientific knowledge.



Приложение

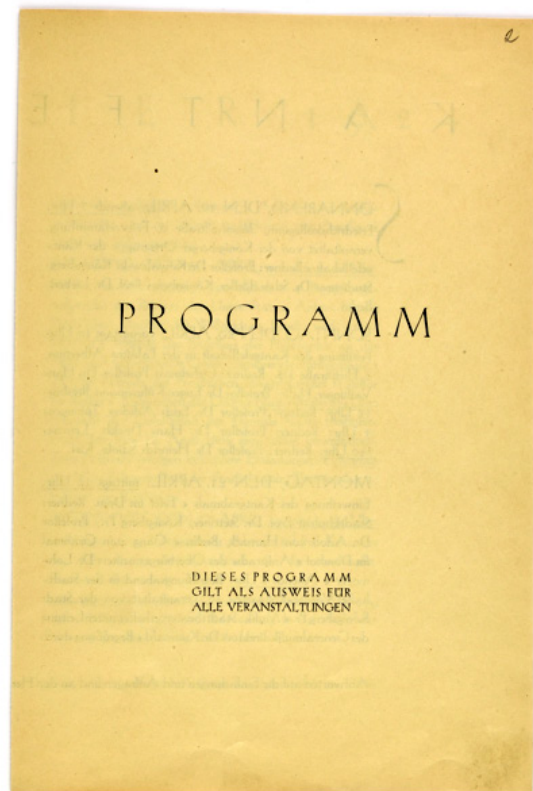
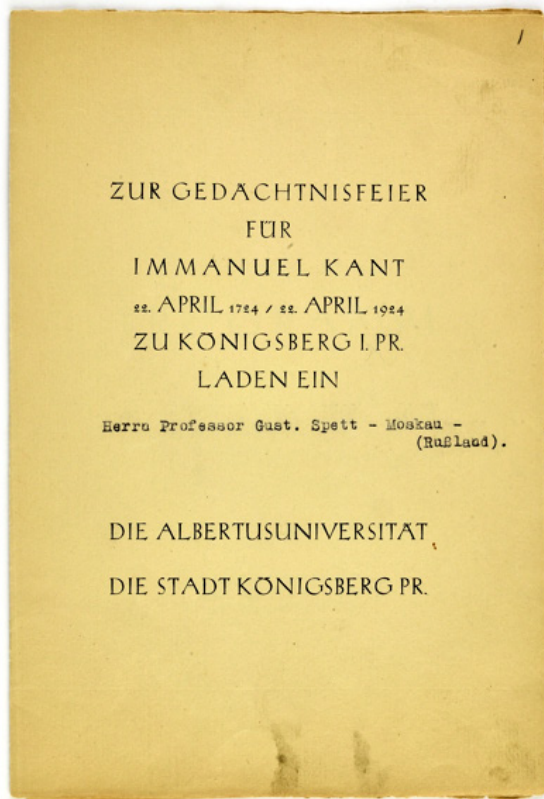
Supplement

Письмо Г.Г. Шпету  
из Германского посольства  
с приглашением в Кёнигсберг  
для участия  
в праздновании 200-летней годовщины  
со дня рождения И. Канта. 1924 г.<sup>8</sup>

Letter to Gustav Shpet  
from the German Embassy  
inviting him to Königsberg  
for the celebration  
of the 200th anniversary  
of Immanuel Kant's birth. 1924<sup>8</sup>

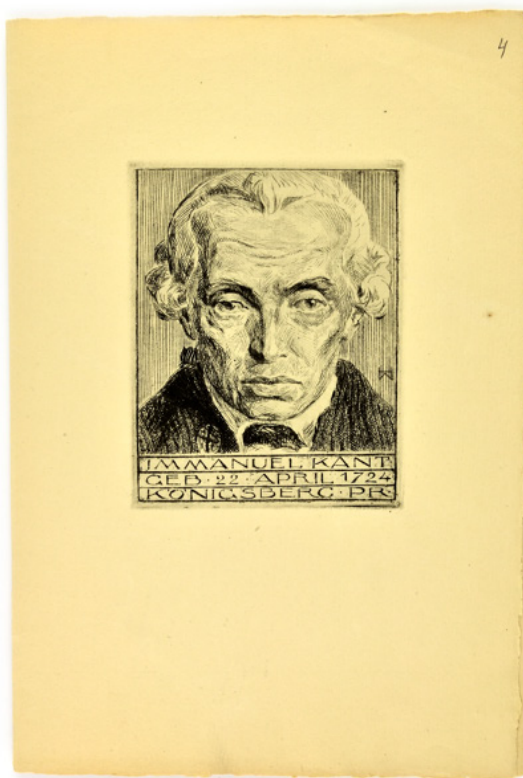
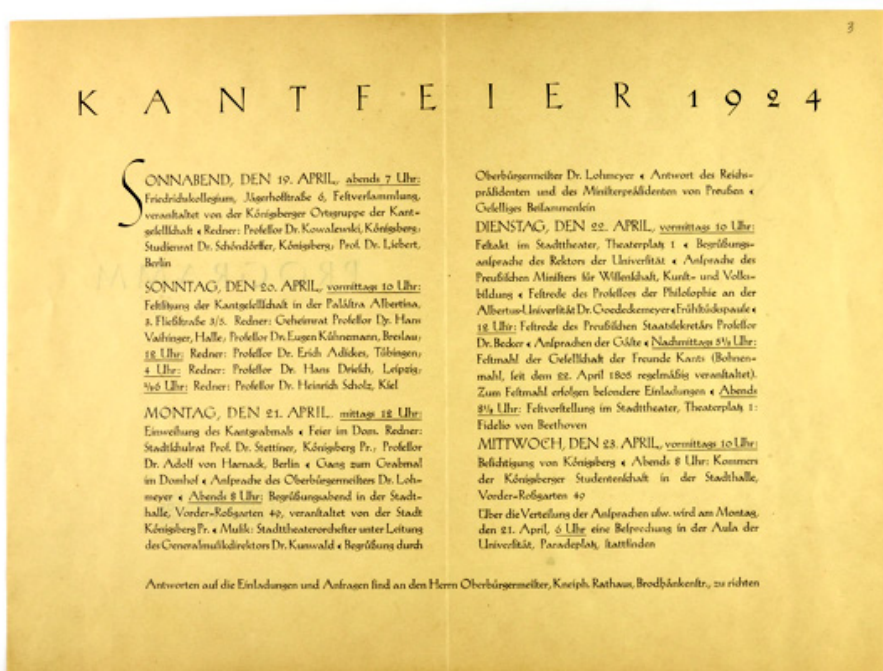
Публикация Т. Г. Щедриной  
[Перевод]

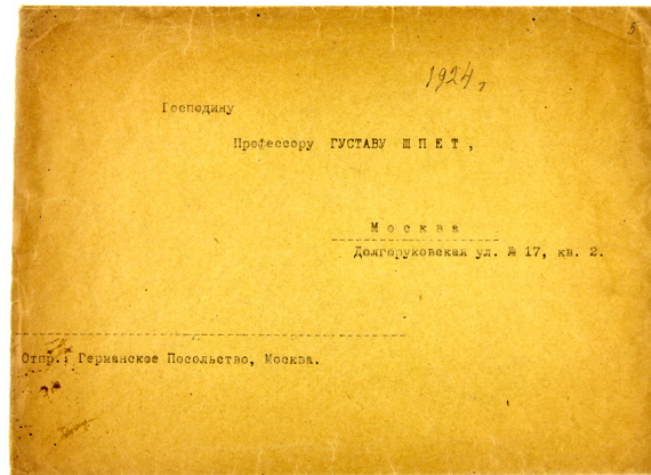
Publication by T. G. Shchedrina



<sup>8</sup> Публикуется по типографскому оригиналу с машинописными вставками, хранящемуся в ОР РГБ (см.: Письмо..., 1924). Все примечания принадлежат публикатору. Подчеркивания воспроизведены, полужирным шрифтом выделены дни недели и даты. В угловых скобках даны пояснения публикатора. Названия докладов в примечаниях даны по изданию: (Die Feier..., 1924).

<sup>8</sup> Published from the typographical original with typewritten inserts kept in the Manuscript Department of the Russian State Library (see German Embassy, 1924). All the notes are the publisher's. Underscoring is reproduced. Days of the week and dates are in boldface. Publisher's explanations are in angle brackets. Speakers' names are given according to Anonym (1924).





<Л. 1>

НА ТОРЖЕСТВО В ПАМЯТЬ  
ИММАНУИЛА КАНТА  
22 АПРЕЛЯ 1724 / 22 АПРЕЛЯ 1924

В КЁНИГСБЕРГЕ-НА-ПРЕГЕЛЕ  
ПРИГЛАШАЮТ  
господина профессора Густ. Шпета – Москва –  
(Россия)<sup>9</sup>

УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬБЕРТА  
ГОРОД КЁНИГСБЕРГ-НА-ПРЕГЕЛЕ

<Л. 2>

### ПРОГРАММА

ЭТА ПРОГРАММА  
ДЕЙСТВИТЕЛЬНА КАК УДОСТОВЕРЕНИЕ ДЛЯ  
ВСЕХ МЕРОПРИЯТИЙ

<Л. 3, разворот>

### ЮБИЛЕЙ КАНТА 1924

**Суббота, 19 апреля, вечер, 7 часов:**

Friedrichskollegium, Йегерхофштрассе 6, торже-  
ственное собрание, организованное Кёнигсберг-  
ской местной группой Кантовского общества.  
Докладчики: профессор д-р Ковалевский<sup>10</sup>, Кё-  
нигсберг; штудиенрат д-р Шёндёрфер<sup>11</sup>, Кё-  
нигсберг; проф. д-р Либерт<sup>12</sup>, Берлин.

<sup>9</sup> Эта строка – машинописная.

<sup>10</sup> Тема доклада: «Дух родины в кантовской филосо-  
фии».

<sup>11</sup> Тема доклада: «Рудольф Райке и Эмиль Арнольдт».

<sup>12</sup> Тема доклада: «Кант и историческое мировоззре-  
ние».

<Sheet 1>

ZUR GEDÄCHTNISFEIER FÜR  
IMMANUEL KANT  
22. APRIL 1724 / 22. APRIL 1924

ZU KÖNIGSBERG I. PR.  
LADEN EIN  
Herrn Professor Gust. Spett – Moskau – (Rußland)<sup>9</sup>

DIE ALBERTUSUNIVERSITÄT  
DIE STADT KÖNIGSBERG PR.

<Sheet 2>

### PROGRAMM

DIESES PROGRAMM  
GILT ALS AUSWEIS FÜR  
ALLE VERANSTALTUNGEN

<Sheet 3, page spread>

### KANTFEIER 1924

**Sonnabend, den 19. April, abends 7 Uhr:**

Friedrichskollegium, Jägerhofstraße 6, Fest-  
versammlung, veranstaltet von der Königsberg-  
er Ortsgruppe der Kantgesellschaft. Redner:  
Professor Dr. Kowalewski, 10 Königsberg;  
Studienrat Dr. Schöndörffer, 11 Königsberg;  
Prof. Dr. Liebert, 12 Berlin

<sup>9</sup> This line is typewritten.

<sup>10</sup> Presentation topic: "Heimatgeist in der Kantischen  
Philosophie".

<sup>11</sup> Presentation topic: "Rudolf Reicke und Emil Arnoldt".

<sup>12</sup> Presentation topic: "Kant und die geschichtliche  
Weltansicht".



**Воскресенье, 20 апреля, утро, 10 часов:**

Праздничное заседание Кантовского общества в Палестре Альбертины, 3-я Флиссштрассе 3/5. Докладчик: тайный советник профессор д-р Ганс Файхингер<sup>13</sup>, Галле; профессор д-р Ойген Кюнеман<sup>14</sup>, Бреслау;

12 часов: Докладчик: профессор д-р Эрих Адикес<sup>15</sup>, Тюбинген;

4 часа: Докладчик: профессор д-р Ханс Дриш<sup>16</sup>, Лейпциг;

½ 6 часа: Докладчик: профессор д-р Генрих Шольц<sup>17</sup>, Киль.

**Понедельник, 21 апреля, полдень, 12 часов:**

Открытие гробницы Канта. Торжество в соборе. Докладчик: советник городской школы проф., Штеттинер, Кёнигсберг-на-Пр[егеле]; профессор д-р Адольф фон Гарнак, Берлин. Переход к гробнице во дворе собора. Выступление обер-бургомистра д-ра Ломейера.

Вечером в 8 часов: Приветственный вечер в Городском зале, Фордер-Росгартен 49, организованный городом Кёнигсберг-на-Пр. Музыка: Оркестр городского театра под руководством генерального музыкального руководителя д-ра Кунвальда. Приветствие обер-бургомистра д-ра Ломейера. Ответное слово президента Германии и премьер-министра Пруссии. Дружеское общение.

**Вторник, 22 апреля, утро, 10 часов:** Торжественная церемония в городском театре на Театральной площади 1. Приветственное слово ректора университета. Выступление министра науки, искусства и народного образования Пруссии. Торжественная речь профессора философии Университета им. Альберта д-ра Гёдекемейера. Перерыв на завтрак.

<sup>13</sup> Тема доклада: «Кант в современной немецкой философии».

<sup>14</sup> Тема доклада: «Кант и Гердер».

<sup>15</sup> Тема доклада: «Наследие Канта».

<sup>16</sup> Тема доклада: «Кант и целостность».

<sup>17</sup> Тема доклада: «Кант как классик метафизики».

**Sonntag, den 20. April, vormittags 10 Uhr:**

Festsitzung der Kantgesellschaft in der Palästra Albertina, 3. Fließstraße 3/5. Redner: Geheimrat Professor Dr. Hans Vaihinger,<sup>13</sup> Halle; Professor Dr. Eugen Kühnemann,<sup>14</sup> Breslau;

12 Uhr: Redner: Professor Dr. Erich Adickes,<sup>15</sup> Tübingen;

4 Uhr: Redner: Professor Dr. Hans Driesch,<sup>16</sup> Leipzig;

½ 6 Uhr: Redner: Professor Dr. Heinrich Scholz,<sup>17</sup> Kiel

**Montag, den 21. April, mittags 12 Uhr:**

Einweihung des Kantgrabmals. Feier im Dom. Redner: Stadtschulrat Prof. Dr. Stettiner, Königsberg Pr.; Professor Dr. Adolf von Harnack, Berlin. Gang zum Grabmal im Domhof. Ansprache des Oberbürgermeisters Dr. Lohmeyer.

Abends 8 Uhr: Begrüßungsabend in der Stadthalle, Vorder-Roßgarten 49, veranstaltet von der Stadt Königsberg Pr. Musik: Stadttheaterorchester unter Leitung des Generalmusikdirektors Dr. Kunwald. Begrüßung durch Oberbürgermeister Dr. Lohmeyer. Antwort des Reichspräsidenten und des Ministerpräsidenten von Preußen. Geselliges Beisammensein

**Dienstag, den 22. April, vormittags 10 Uhr:**

Festakt im Stadttheater, Theaterplatz 1. Begrüßungsansprache des Rektors der Universität. Ansprache des Preußischen Ministers für Wissenschaft, Kunst- und Volksbildung. Festrede des Professors der Philosophie an der Albertus-Universität Dr. Goedeckemeyer. Frühstückspause.

<sup>13</sup> Presentation topic: "Kant in der deutschen Philosophie der Gegenwart".

<sup>14</sup> Presentation topic: "Kant und Herder".

<sup>15</sup> Presentation topic: "Kants Erbe".

<sup>16</sup> Presentation topic: "Kant und die Ganzheit".

<sup>17</sup> Presentation topic: "Kant als Klassiker der Metaphysik".

12 часов: Выступление государственного секретаря Пруссии профессора д-ра Беккера<sup>18</sup>. Выступления гостей.

После полудня, 5½ часа: Банкет Общества друзей Канта (бобовый ужин, проводится регулярно с 22 апреля 1805 г.). На банкет рассылаются специальные приглашения.

Вечер, 8½ часов: Праздничное представление в городском театре на Театральной площади 1: «Фиделио» Бетховена.

Среда, 23 апреля, утро, 10 часов: Обзорная экскурсия по Кёнигсбергу.

Вечер, 8 часов: Торжественное собрание студентов Кёнигсберга в Городском зале, Фордер-Росгартен 49.

В понедельник, 21 апреля, в 6 часов в актовом зале университета на Парадеплац состоится совещание по поводу распределения выступлений и т. д.

Ответы на приглашения и запросы можно отправлять обер-бургомистру, ратуша Кнайпх<офа>, Бродбенкенштр<ассе>.

<Л. 4. Эмблема конгресса с изображением И. Канта>

<Л. 5. Конверт, машинопись>

Господину профессору ГУСТАВУ ШПЕТ<sup>19</sup>,  
Москва, Долгоруковская ул. № 17, кв. 2.  
Отпр.: Германское Посольство, Москва.

## Список литературы

Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Фуко М. Слова и вещи / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994. С. 7–37.

Анучин Д.Н. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России // Русский антропологический журнал. 1900. № 1. С. 25–42.

<sup>18</sup> Тема доклада: «Кант и современный образовательный кризис».

<sup>19</sup> Так в тексте.

12 Uhr: Festrede des Preußischen Staatssekretärs Professor Dr. Becker.<sup>18</sup> Ansprachen der Gäste.

Nachmittags 5 ½ Uhr: Festmahl der Gesellschaft der Freunde Kants (Bohnenmahl, seit dem 22. April 1805 regelmäßig veranstaltet). Zum Festmahl erfolgen besondere Einladungen.

Abends 8 ½ Uhr: Festvorstellung im Stadttheater, Theaterplatz 1: Fidelio von Beethoven

**Mittwoch, den 23. April, vormittags 10 Uhr:** Besichtigung von Königsberg.

Abends 8 Uhr: Kommers der Königsberger Studentenschaft in der Stadthalle, Vorder-Roßgarten 49

Über die Verteilung der Ansprachen usw. wird am Montag, den 21. April, 6 Uhr eine Besprechung in der Aula der Universität, Paradeplatz, stattfinden

Antworten auf die Einladungen und Anfragen find an den Herrn Oberbürgermeister, Kneiph<of> Rathaus, Brodbänkenstr., zu richten

<Sheet 4. Emblem of the Congress with a picture of Kant >

<Sheet 5. Envelope, typed>

To Mr. Professor GUSTAV SHPET,  
Moscow, Dolgorukovskaya St. № 17, apt. 2.  
From: German Embassy, Moscow.

## References

Akhutin, A. V., 1990. Sophia and the Devil (Kant in the Face of Russian Religious Metaphysics). *Voprosy filosofii*, 1, pp. 51-69. (In Rus.)

Anonym, 1924. *Die Feier des 200 Geburtstags Immanuel Kants in seiner Vaterstadt: die Königsberger Kant-Tage 19. bis 24. April 1924 nach den Berichten der Königsberger Hartungschens Zeitung*. Königsberg: Hartungschens Verlagsdruckerei.

<sup>18</sup> Presentation topic: “Kant und die Bildungskrise der Gegenwart”.

Ахутин А. В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–69.

Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 1. С. 162–396.

Письмо Г. Г. Шпету из Германского посольства с приглашением в Кёнигсберг для участия в праздновании 200-летней годовщины со дня рождения И. Канта. 1924 г. // ОР РГБ. Ф. 718. К. 25. Ед. хр. 11 [1924].

Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М. : ИФ РАН, 2007.

Шпет Г. Г. [Рецензия] // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. III (73). С. 406–418. Рец. на кн.: Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin : Reuther u. Reichard, 1904. 350 S.

Шпет Г. Г. Философия и история // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005. С. 191–200.

Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2006а. С. 417–500.

Шпет Г. Г. Мудрость или разум? // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2006б. С. 311–365.

Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы / реконструкция Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2009.

Шпет Г. Г. [Рец.:] Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage. Berlin, 1904 // Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2010. С. 52–61.

Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 1 : Материалы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедриной. М. ; СПб. : Университетская книга, 2014.

Anuchin, D. N., 1900. Beglyy vzglyad na proshloye antropologii i na yeye zadachi v Rossii [A Brief Look at the History of Anthropology and Its Tasks in Russia]. *Russkiy antropologicheskii zhurnal* [Russian Anthropological Journal], 1, pp. 25-42. (In Rus.)

Avtonomova, N. S., 1994. Michel Foucault and His Book *The Order of Things*. In: M. Foucault, 1994. *Slova i veshchi* [The Order of Things]. Translated [into Russian] by V. P. Vizgin and N. S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad, pp. 7-37. (In Rus.)

Chesnov, Y. V., 2007. *Telecnost' cheloveka: filofsoko-antropologicheskoe ponimanie* [The Corporeality of Man: Philosophical-Anthropological Understanding]. Moscow: IPh RAS. (In Rus.)

Foucault, M., 2008. Introduction à l'Antropologie de Kant. In: E. Kant, 2008. *Antropologie d'un point de vue pragmatique*. Paris: Librairie Philosophique, J. Vrin, pp. 11-79.

German Embassy, 1924. Letter to G. G. Shpet from the German Embassy with an Invitation to Königsberg to Participate in the Celebration of the 200<sup>th</sup> Anniversary of the Birth of I. Kant. 1924. *Manuscript Department of the Russian State Library*. F. 718. Box 25. Unit 11.

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Translated by R. B. Louden. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Louden. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Kühnemann, E., 1904. Herder und Kant. In: *Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage*. Berlin: Reuther & Reichard, 1904, pp. 246-260.

Kühnemann, E., 1924. Kant und Herder. In: *Die Feier des 200 Geburtstags Immanuel Kants in seiner Vaterstadt: die Königsberger Kant-Tage 19. bis 24. April 1924 nach den Berichten der Königsberger Hartungschens Zeitung*. Königsberg: Hartungschens Verlagsdruckerei, pp. 17-19.

Shchedrina, T. G., and Shchedrina, I. O., 2022. Immanuel Kant in the Historical Philosophy of Gustav Shpet. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 124-151. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>

Shpet, G. G., 2006. Introduction to Ethnic Psychology. In: G. G. Shpet, 2006. *Philosophia Natalis. Izbrannye psichologo-pedagogicheskie trudy* [Philosophy of Natalis. Selected Psychological and Pedagogical Works]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 417-500. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2009. *Ocherk razvitija russkoj filosofii. II. Materialy* [Essay on the Development of Russian Philosophy. II. Materials]. Reconstruction by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)



Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Иммануил Кант в исторической философии Густава Шпета // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 124–151. doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-5.

*Die Feier* des 200 Geburtstags Immanuel Kants in seiner Vaterstadt: die Königsberger Kant-Tage 19. bis 24. April 1924 nach den Berichten der Königsberger Hartungschens Zeitung. Königsberg: Hartungschens Verlagsdruckerei, 1924.

Foucault M. Introduction à l'Anthropologie de Kant // Kant E. Anthropologie du point de vue pragmatique. P. : Librairie Philosophique, J. Vrin, 2008. P. 11–79.

Kühnemann E. Herder und Kant // Zu Kants Gedächtnis: zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage / hrsg. von H. Vaihinger. Berlin : Reuther & Reichard, 1904. S. 246–260.

Kühnemann E. Kant und Herder // Die Feier des 200 Geburtstags Immanuel Kants in seiner Vaterstadt: die Königsberger Kant-Tage 19. bis 24. April 1924 nach den Berichten der Königsberger Hartungschens Zeitung. Königsberg : Hartungschens Verlagsdruckerei, 1924. S. 17–19.

## Об авторах

Татьяна Геннадьевна **Щедрина**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия.  
E-mail: tannirra@mail.ru

Борис Исаевич **Пружинин**, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия.  
E-mail: prubor@mail.ru

## Для цитирования:

Щедрина Т. Г., Пружинин Б. И. Восхождение к «естественной человечности»: Иммануил Кант в философской антропологии Густава Шпета // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 3. С. 104–121. doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-6

© Щедрина Т. Г., Пружинин Б. И., 2024.

Shpet, G. G., 2010. [Book Review] Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage. Berlin, 1904. In: G. G. Shpet, 2010. *Filosofskaja kritika: otzvyvy, recenzii, obzory* [Philosophical Criticism: Comments, Reviews, Summaries]. Edited and comp. by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 52-61. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2014. *Istorija kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovanija. Chast' pervaja. Materialy* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part One: Materials]. Edited and commented by T. G. Shchedrina. Moscow & St. Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Rus.)

Shpet, G., 2019a. Wisdom or Reason? In: G. Shpet, 2019. *Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology*. Edited and translated by T. Nemeth. Cham: Springer, pp. 212-265.

Shpet, G., 2019b. Philosophy and History. In: G. Shpet, 2019. *Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology*. Edited and translated by T. Nemeth. Cham: Springer, pp. 269-277.

*Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov*

## The authors

*Prof. Dr Tatiana G. Shchedrina*, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.  
E-mail: tannirra@mail.ru

*Prof. Dr Boris I. Pruzhinin*, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.  
E-mail: prubor@mail.ru

## To cite this article:

Shchedrina, T.G., Pruzhinin, B.I., 2024. Ascent to “Natural Humanness”: Immanuel Kant in the Philosophical Anthropology of Gustav Shpet. *Kantian Journal*, 43(3), pp. 104-121.  
<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-6>

© Shchedrina T. G., Pruzhinin B. I., 2024.



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))